

[Рупа]

Шэнь Сюй был жесток в постели. Он сбросил маску благопристойности, которую носил днем, и его движения стали более резкими, беспорядочными. Его руки, по обе стороны от меня, были крепкими, сильными, когда он обнимал меня, грубо целовал, снова и снова звал по имени.

Желание, радость, нежелание расставаться с ним... пламя, охватывающее мое тело. Мои нервы были на пределе. Я действительно не мог сказать, какая эмоция у меня была самая сильная.

Ступени поднимались все выше и выше, и каменные скульптуры, выстроившиеся вдоль них, мелькали мимо, разрозненные, безостановочно разжигая во мне желание. Я думал, нам суждено быть друг с другом, Шэнь Сюй и я, мы были неразлучны, как шиповое соединение, он изучал географию, а я архитектуру, у нас обоих были крепкие запястья, мы были способны не только рисовать линии любой кривизны на бумаге, но и гораздо больше.

Насколько мы подходили друг другу.

— Шэнь Сюй, ты лгал мне, ты лгал мне целую вечность. — я обнял руками его потную шею, притягивая его ближе к себе. — Ты не ответил на все мои сообщения, которые я тебе отправлял... Ты подшучивал надо мной, да? Ты хотел оказать мне холодный прием, а потом внезапно появился, чтобы преподнести сюрприз, да?

Он растянулся у меня на груди, тяжело дыша, его пальцы блуждали по моей талии. Я ненавидел, что он молчит.

— Скажи что-нибудь, посмотри на меня, Шэнь Сюй, посмотри на меня.

— Хм. — Шэнь Сюй поднял взгляд. После двух раундов слишком бурного секса его глаза увлажнились. — Я облажался.

— Теперь ты говоришь, что облажался. Ты так великодушен со своими извинениями. — я отвернулся и закрыл глаза. — Неужели врать мне так весело?

— Я сделал это не нарочно... — низкий голос Шэнь Сюя звучал у меня в ушах. Он был все еще осторожен. — Это просто... Я не знаю, как мне следует любить тебя. Если я подойду к тебе слишком близко, я боюсь, что ты сочтешь меня шумным, что я пересекаю твои границы. Если я буду слишком далеко, я боюсь, что твоя любовь ко мне ослабнет, что ты никогда больше не вспомнишь обо мне.

Я протянул ладонь к его груди и прижался.

— Просто люби меня вот так.

— Я неудачник, не так ли, Сяоцинь? — Шэнь Сюй сжал мои руки в своих. — Я всегда встревожен, напуган, невротичен. Я продолжаю ломать голову, пока от меня ничего не останется, и я ничего не добьюсь... Когда я остаюсь один, я всегда ловлю себя на мысли, что было бы здорово, если бы мы могли вернуться в наше прошлое, в те дни, проведенные с тобой, когда существовали только мы двое... Понимаешь, Сяоцинь? Мои годы в университете были самыми счастливыми днями в моей жизни.

Глаза Шэнь Сюя округлились. Он по-прежнему выглядел таким красивым, когда улыбался, но в то же время он выглядел грустным, как будто в его теле жили два совершенно разных человека.

— Ты знаешь, что я люблю тебя... а ты?

— Я знаю. — я энергично кивнул. — Я тоже люблю тебя.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня.

— Это уже делает меня счастливым.

— Ты такой жестокий. Ты не сказал мне всего этого, оставив меня строить догадки в полном одиночестве, я почти схожу с ума от своих двойных предположений. — пожаловался я. — О чем ты думал, когда мы ехали в автобусе из аэропорта? Ты говорил так мало, что мне показалось, будто ты меня совсем не знаешь.

Шэнь Сюй моргнул, глядя на меня.

— Я думал, что ты... все еще помнишь меня.

Снова раздался раздражающий барабанный бой. У меня было предчувствие, что дальнейшие расспросы не принесут никакой пользы, поэтому я сказал:

— Я был слишком глуп. У меня было сотрясение мозга, из-за которого у меня где-то сломался мозг.

— Верно. Я нравлюсь тебе, потому что ты сломал свой мозг. — уголки губ Шэнь Сюя приподнялись.

— Я счастлив, что ты мне нравишься. — возразил я. — Ты будешь мне нравиться, кем бы ты ни стал.

Я реально любил его от начала и до конца. Даже в те дни, наполненные унынием, я любил его, как и всегда. Даже если Шэнь Сюй... был тем, кого я часто не мог понять.

Гаокао закончился, и под его руководством было заполнено более пятидесяти анкет для поступления в колледж, но наш уважаемый садовник Шэнь продолжал работать не покладая рук.

Однажды, проснувшись посреди ночи от кошмара, я понял, что его нет рядом со мной. Я открыл дверь и увидел, как он хлопотал над обеденным столом.

Я стоял перед дверью спальни, и молча наблюдал за ним. Шэнь Сюй склонился над столом и что-то писал, его тень под лампой казалась одинокой.

Слова лились из-под пера Шэнь Сюя с такой готовностью, без паузы. Я подумал, что «он, должно быть, уже давно составил то, что было у него в голове».

— Шэнь-лаоши. — я тихо подошел к нему. — Все еще пишешь учебные планы?

Он почти одновременно закрыл свой блокнот.

— Да.

— Уже поздно, нам пора ложиться спать. — я ущипнул его за плечи. — Ты можешь подготовиться к занятиям после начала занятий.

— Ты можешь подождать меня еще немного? — Шэнь Сюй опустил голову. Свет лампы был желтым, стол – коричневым, стены – бежевыми. Его силуэт был такого цвета, что сквозь него не мог проникнуть ни один луч света.

Я потер лоб.

— Не можешь уснуть?

— Мхм.

— Послезавтра мы вылетаем в Нью-Дели. — я наклонился, чтобы обнять его, вдыхая аромат его шеи. — Мы даже не начали собирать вещи. Что нам делать?

Шэнь Сюй медленно повернулся, чтобы посмотреть на чемоданы.

— Если тебе не спится, сделай мне маленькое одолжение? — я выдавил улыбку. — Давай соберем вещи вместе!

Шэнь-лаоши, всегда занятый своими делами, наконец-то пошевелился, тихо и аккуратно закатав рукава каждого из нас. Мне нравилось, что он всегда делал все, о чем я его просил, но было неприятное ощущение, что что-то не так. Та малая толика жизненной силы, которая еще оставалась в нем, казалось, улетучилась и больше никогда не вернется.

— Ты ведь никогда не бросишь меня, правда, Шэнь Сюй?

Это вопрос был как к прошлому, так и к настоящему Шэнь Сюю.

Сегодня я, наконец, начал понимать его тревогу и хрупкость, проявляющиеся в нем без всякой причины, его отчужденность и молчаливость. Но было кое-что, чего я никогда не мог понять: почему так трудно не попрощаться навсегда.

Он смотрел на меня так, словно хотел сказать тысячу вещей, но слова застревали у него в гортани, и он выдал их в нескольких словах.

— До тех пор, пока ты хочешь, чтобы я оставался.

«Ах, мне назвать его бескорыстным или эгоистичным?»

— Сколько времени мы провели в Индии, Шэнь Сюй? — я закрыл глаза.

— Шесть дней.

— Завтра седьмой день.

— Пойдем посмотрим на Шиву. — холодные как лед костяшки пальцев Шэнь Сюя скользили по моей щеке. — Я обещал тебе, что мы поедем в Ришикеш вместе.

Внезапно я почувствовал, как мое сердце сжимается от паники. Чем ближе я к тому дню, когда мы увидим Шиву, тем сильнее мне становилось не по себе. Нетерпение постепенно перерастало в страх, и я понимал, что все больше испытываю к этому отвращение. Кажется, в нем было заключено еще больше вещей, которые я не был в силах вынести.

— ...Я больше не хочу ехать. — я с беспокойством посмотрел на него. — Можем ли мы остаться? Шэнь Сюй, давай останемся в Калькутте. Шэнь Сюй, давай не будем ехать. Давай не

будем, пожалуйста?

Его глаза затуманились. Он наклонился и без слов обменялся со мной долгим влажным поцелуем. Я не был удовлетворен. Я обхватил его лицо руками и крепко поцеловал в ответ, снова и снова прося его, умоляя его, что я хочу, чтобы он остался со мной в Калькутте. Но язык Шэнь Сюя обхватывал мой, и теперь я не мог даже пикнуть.

Мы переплелись друг с другом. Его член, зажатый у меня между ног, вот-вот бы встал. Шэнь Сюй покрыл поцелуями мою шею, посасывал гортань, облизывал ее. Я двигал бедрами, пытаясь высвободиться, упираясь обеими руками в его грудь. Шэнь Сюй быстро обхватил мои запястья и поднял их над нашими головами, тяжело дыша. Он смотрел на меня, не двигаясь ни на дюйм.

— Почему ты не хочешь ехать?

— Там будет много людей, чтобы посмотреть на Шиву. Везде будет так тесно. — желание затуманивало мне голову. — Я боюсь, что не смогу крепко прижаться к тебе.

Шэнь Сюй улыбнулся.

— Ты боишься, что я потеряюсь.

— Я боюсь, что я... никогда больше не найду тебя.

— Если я реально исчезну. — серьезно начал Шэнь Сюй. — Ты не должен искать меня, Сяоцинъ. Не приезжай ради меня в Индию.

— Ох, тогда я не буду тебя искать... — я вытянул шею, ища губы Шэнь Сюя. Постель была мягкой, а его тело холодным, таким холодным, что я не мог согреть его, что бы я ни делал.

Плвать. Это не важно. Сегодня ночью мы снова поцеловались бы, и снова занялись бы любовью.

В любом случае, другого выхода не было.

<http://bllate.org/book/14890/1347421>